

столь простым, требования казались столь законными и назрвшими. Должен же наконец и русский народ, играющий такую великую роль среди культурных народов мира, кровью своего добравший конституционную свободу Болгарии, должен же наконец и он сам получить эту свободу, усвоить себе все права и блага, благодаря которым давно уже живут богато и привольно все прочие культурные народы. Должен же наконец и он стать равноправным в их среде и вместе с ними мощно послужить делу мирового прогресса и мирным идеалам христианского братолюбия и любви. Должен же наконец и он стать равноправным в их среде и вместе с ними мощно послужить делу мирового прогресса и мирным идеалам христианского братолюбия и любви.

Так рассуждало общество. В течение десятилетия дало оторванное от своего верховного правительства, совершенно с ним и даже с ближайшими к нему бюрократическими сферами незнакомое, общество услышало из уст, что верховное правительство, благодаря той же пропасти бюрократического неведения, раздвинувшего их, отстало от жизни, что оно всю передовую интеллигенцию, все лучшие дельцы печати, земства и городских самоуправлений считало крамолами и изменниками, которых чуждым святым патристическим чувствам; что только сейчас верховное правительство услышало из свободной речи и посмотрело им прямо в глаза, читая в них совершенно новую для себя букву, слог, а из этих букв совершенно новую для себя слогу и озарила думей правды, святились из этих новых доверчивых глаз. Общество упустило из вида, что для того, чтобы взглянуть в новые глаза и по новым буквам прочесть в них правду, — нужно время. И маятник внутренней политики, толкаемый в одну сторону злыми аурорами и святыми совами, а в другую самими сердцем Монарха, жаждавшим равновесия, и Его новыми, еще неуловимыми прочно завесить к себе доверия и потому нерышительными советниками, продавая молотом широкими взмахами, возбуждая в странной бурной течения. Каждая свирепая реакционная выходка уже получавших свою гибель охранителей рывительно направляла маятник в либеральную сторону, но вместе с тем

раздражала либеральную сферу и доводила крайние их элементы то там, то здесь до революционных вспышек. Эти вспышки в свою очередь отталкивали маятник в другую сторону, в сторону реакции, и сначала мучительные сомнения, а затем горькая разочарования и наконец порыв озлобления и призывы к ускоренной борьбе все росла и росла. Выволоченное и отуманенное всеми этими все более и более обостряющимися чувствами общество уже не замечало, что чем дальше, тем идущие от самого сердца государева взмах маятника в сторону мира и свободы захватывают все большую и большую область. На первый план выдвигается граф Витте, государственный деятель в европейском смысле этого слова, человек, несомненно сочувствующий либеральным реформам. К великому сожалению приверженцев старого режима заканчивается миром война с Японией; университеты получают свободу, разрабатывается закон об отмене предпринимательской цензуры, объявляется манифест о совещательной Государственной Думе и наконец...

Наконец, правда новых букв была прочтана до конца. Государевое сердце стало в равновесие и радостно забилось после мучительной борьбы, и великий манифест 17-го октября был подписан самодержавною рукою с полной надеждой на светлое русское будущее.

Но не остановился в равновесии маятник, продолжающий качаться от бурных течений в окружающей его атмосфере.

При изложенных условиях измученная в тяжких сомнениях и в конце концов авантажная страна не могла еще почуять и понять неожиданной полой победы и потому не могла стряхнуть этого великого манифеста криком радости и удивления и спокойно доверия. Вместо них зазвучала речь сомнения и скорби, все потускнело в тумане безразличия и неприятия, крики озлобления не смолкли, а наоборот, услаивались, и в противоречии с тем, что говорилось год назад, все закричало: нам мало одной коренной реформы, а дайте нам сейчас же и все отдаленные реформы, извлеките из нас все, что нежелательно, дайте каждому из нас то, что нам нужно, но не в условиях нового государственного строя. Мы не хотим ждать ни минуты.

(Укажите бунт).

неотвратит его и не дает ему возможности составить свой собственный взгляд. Именно на привычных ассоциациях, на влиятельных беззачетных авторитетов одного и того же основана значительная доля человеческого образования и воспитания, и уничтожить эти привычные ассоциации только и можно таким же беззачетным авторитетом противоположного.

Одним словом, и опыт жизни, и наука предостерегают нас от идеологичности перед готовыми формулами. И тем не менее люди никогда не освободятся от этой черты, и из всех диктатур наиболее сильной и наиболее вредной для человечества является диктатура слов, неограниченное самодержавие формул.

Вот уже год, как требование «всеобщей, прямой, тайной и равной» подачи голосов повторяется изо дня в день во всех собраниях и людях всех классов и возрастов. Требуется учредительное собрание на началах всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосов; на том же начале требуется устройство Государственной Думы, Простая городская дума, желанная новая крещенная душой революция, жаждут реорганизации по тому же принципу. Символ политической веры запечатлен в изболонному догматом о правде народа на систему прямого, всеобщего, тайного и равного голосования, и тот, кто захочет противиться этой системе, повинен в смертном грехе.

Что можно сказать против этого принципа? Решительно ничего. Это прекрасный принцип, потому что он служит самым полным, ясным и точным выражением другого, еще более высокого начала, а именно того, что народ является носителем суверенной власти всего государства. Верховная власть в государстве принадлежит всему народу, и поэтому весь народ должен участвовать в избрании своих представителей — с одной стороны и иметь право быть избираемым в представительные учреждения — с другой. Поэтому голосование должно быть всеобщим. Как носитель верховной су-

веренной власти государства, вся граждане должны считаться равными без всякого отношения к положению, воспитанию и материальным средствам. Поэтому голосование должно быть равным. По положению верховная вершина судеб всего народа каждый гражданин не обязан отдавать никому отчет в том, кого он считает достойным представлять себя; вместе с тем никому другому не дано права контролировать и влиять на избрание каждого избирателя. Поэтому голосование должно быть тайным. Право каждого гражданина способствовать наиболее целесообразному отправлению верховной государственной власти путем избрания наилучших представителей будет наиболее обеспечено, если между избирателями и избираемыми не будет никаких посредствующих лиц. По этой причине голосование должно быть прямым.

Эта формула сжато, ладными языком и вместе с тем удивительно полно передает самую суть взгляда на народ, как на носителя суверенной власти, и поэтому неумудрено, что она служила одной из главных заповедей политической сжирации государств с представительным образом правления.

Но если самый принцип хорош в доктрину, то слагает ли из этого, что он с практической точки зрения наиболее целесообразен во всех без исключения случаях? И вытекает ли отсюда, что лицо, протестующее против применения этого принципа, должно быть обвинено в республиканизме и в желании противоставить интересам народа?

На правительство смотрят безочелно обвиняя в том, что оно не хочет выпустить власти из своих рук, не хочет высунуть народного голоса.

Но интересно остановиться на вопросе о том, в силу каких побуждений так поступает правительство? Мне кажется, что правительство, ведущее игру в личных своих интересах, должно было бы сказать: «Вам угодно получить учредительное

собрание на началах всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосов? Получите его. А что бы сказали учредительное собрание, созванное на таком начале? Собрание в равной пропорции от всех сословий и во всем числе от десяти миллионов крестьянского населения, такое учредительное собрание не могло бы развить скажет: «Мы желаем, чтобы русским народом правил Царь на всей своей подной воле, — мы желаем того, что прежде». А сколько еще сословий некустарных, полудиках народностей входят в состав России, и как быть с ними? Многие пришли бы в учредительное собрание и заявили бы, что никаких свобод они не желают, потому что от этих свобод им не стало житья. Прежде без свобод можно было передвигаться и сообщаться со всем государством, а теперь при всех свободах нельзя из города выехать. Наиболее взыреть именно такой ответ большинства членов собрания, и очень правдоподобно предположение, что учредительное собрание, созванное на началах прямой, всеобщей, тайной и равной подачи голосов, привело бы именно к такому результату, т. е. к полному господству абсолютизма. Если сила истории, условия жизни, складывавшиеся многими веками, таковы, что даже передовой боец демократизма, потерпевший поражение в своей демократической борьбе — М. Ковалевский заявляет, что во Франции он республиканец, а во России — монархист, то неужели можно думать, что какой-нибудь голь, полтора изменить в самом корне сущности возрвний простого русского народа и заставить его смотреть на совершающиеся события глазами людей, руководящих движением? Не в личных своих интересах борется правительство против учредительного собрания, но в интересах тех темных масс, которые еще не совладали всей богатой культурных учреждений. В дельцах общественных нужно руководствоваться не только тем, что абсолютно лучше или хуже, но проводя новыми начинания, надо постоянно при-

способлять к духу, возвращению и развитию народа, потому что это уже неперемлемая, подтверждающаяся всей историей истина, что всякий народ имеет такие учреждения, каких он заслуживает.

Иль жизни и политики Персия.

До русско-японской войны русское влияние в Персии все усиливалось, в особенности в ее северной части, несмотря на то, что английская дипломатия ничем не брезгала, чтобы подорвать это влияние. Особенно тяжело было англичанам видеть, как Россия, пользуясь доверием и дружбой шаха, получила концессию на проведение железных путей в северной восточной части Персии. Заручившись таким важным документом, правительство наше, не медля, приступило к делу. Были командированы в Персию, как известно, русские инженеры, которые положили начало работам. Но, как только началось влияние шаха, все дело приостановилось, так как внимание русской дипломатии и вообще всей мыслиющей России было поглощено событиями на Дальнем Востоке. Открылось широкое поле для английских интриг. Была пущена в ход слухи, что настала часть падения России, что она не будет в силах осуществить данную ей концессию, что ее планы насчет Персии разлетятся окончательно. Само собою разумеется, что в основе всего этого лежала завистливая мечта английской дипломатии — подорвать доверие правительства шаха к русскому влиянию, к русской силе. С этой целью в Персию были направлены еще более ухаживавшие, врага русского влияния поднимавшие и начали открыто вредить русскому делу. Хмурый физиономия агентов английской дипломатии прояснились при одной мысли о том, что совершится переход в политик Персии и престиж Англии снова сильно поднимется. Чтобы положить предел всяким слухам и толкам, по мнению корреспондента газеты «Аршалуйс», необходимо осуществлять

упомянутую концессию и возобновить работы по проведению железных путей. Вот, чем мотивирует он свою мысль:

«Персия теперь больше, чем когда-либо, является необходимым рынком для русской производительности, а для преобладания на этом рынке недостаточно одного переизбытка политического влияния, нужны также удобные и усовершенствованные пути сообщения. Нельзя не согласиться с справедливостью этого мнения. Если бы были проведены шоссе и дороги и железные пути, то, несомненно, русские товары и вообще предметы русской производительности проникли бы в глубь Персии без тех затруднений, которыми они подвергались теперь, и вызвали бы большое оживление на рынках. Надо познать, что всякое русское начинание в Персии может осуществляться без особых усилий и препятствий. Одного этого надо бояться, как бы персидское государство, враждебно настроенное вообще к деятельности европейцев, не выдвинуло вперед равного рода препятствий. Среди этой всеобщей касты господствует убеждение, что Персия должна возвратиться исключительно на национально-самобитной почве. С этой точки зрения проведение железнодорожных путей, конечно, является для духовенства опасной и нежелательной работой. Но, при дружеской работе и существующих симпатиях шаха к европейским странам, можно преодолеть и это препятствие. В данное время, по словам того же корреспондента, в торговлю промышленной жизни Персии замечается полный застой. Это объясняется двояко: с одной стороны — татаро-армянским конфликтом, заглушившим всякое общение между коммерсантами, с другой — ненормальным положением вещей в России. Прервалось даже телеграфное сообщение. Хотя и функционирует ниде-европейский телеграф, но он не так дешево обходится абонентам.

Ка — ра.

собрание на началах всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосов? Получите его. А что бы сказали учредительное собрание, созванное на таком начале? Собрание в равной пропорции от всех сословий и во всем числе от десяти миллионов крестьянского населения, такое учредительное собрание не могло бы развить скажет: «Мы желаем, чтобы русским народом правил Царь на всей своей подной воле, — мы желаем того, что прежде». А сколько еще сословий некустарных, полудиках народностей входят в состав России, и как быть с ними? Многие пришли бы в учредительное собрание и заявили бы, что никаких свобод они не желают, потому что от этих свобод им не стало житья. Прежде без свобод можно было передвигаться и сообщаться со всем государством, а теперь при всех свободах нельзя из города выехать. Наиболее взыреть именно такой ответ большинства членов собрания, и очень правдоподобно предположение, что учредительное собрание, созванное на началах прямой, всеобщей, тайной и равной подачи голосов, привело бы именно к такому результату, т. е. к полному господству абсолютизма. Если сила истории, условия жизни, складывавшиеся многими веками, таковы, что даже передовой боец демократизма, потерпевший поражение в своей демократической борьбе — М. Ковалевский заявляет, что во Франции он республиканец, а во России — монархист, то неужели можно думать, что какой-нибудь голь, полтора изменить в самом корне сущности возрвний простого русского народа и заставить его смотреть на совершающиеся события глазами людей, руководящих движением? Не в личных своих интересах борется правительство против учредительного собрания, но в интересах тех темных масс, которые еще не совладали всей богатой культурных учреждений. В дельцах общественных нужно руководствоваться не только тем, что абсолютно лучше или хуже, но проводя новыми начинания, надо постоянно при-

собрание на началах всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосов? Получите его. А что бы сказали учредительное собрание, созванное на таком начале? Собрание в равной пропорции от всех сословий и во всем числе от десяти миллионов крестьянского населения, такое учредительное собрание не могло бы развить скажет: «Мы желаем, чтобы русским народом правил Царь на всей своей подной воле, — мы желаем того, что прежде». А сколько еще сословий некустарных, полудиках народностей входят в состав России, и как быть с ними? Многие пришли бы в учредительное собрание и заявили бы, что никаких свобод они не желают, потому что от этих свобод им не стало житья. Прежде без свобод можно было передвигаться и сообщаться со всем государством, а теперь при всех свободах нельзя из города выехать. Наиболее взыреть именно такой ответ большинства членов собрания, и очень правдоподобно предположение, что учредительное собрание, созванное на началах прямой, всеобщей, тайной и равной подачи голосов, привело бы именно к такому результату, т. е. к полному господству абсолютизма. Если сила истории, условия жизни, складывавшиеся многими веками, таковы, что даже передовой боец демократизма, потерпевший поражение в своей демократической борьбе — М. Ковалевский заявляет, что во Франции он республиканец, а во России — монархист, то неужели можно думать, что какой-нибудь голь, полтора изменить в самом корне сущности возрвний простого русского народа и заставить его смотреть на совершающиеся события глазами людей, руководящих движением? Не в личных своих интересах борется правительство против учредительного собрания, но в интересах тех темных масс, которые еще не совладали всей богатой культурных учреждений. В дельцах общественных нужно руководствоваться не только тем, что абсолютно лучше или хуже, но проводя новыми начинания, надо постоянно при-

собрание на началах всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосов? Получите его. А что бы сказали учредительное собрание, созванное на таком начале? Собрание в равной пропорции от всех сословий и во всем числе от десяти миллионов крестьянского населения, такое учредительное собрание не могло бы развить скажет: «Мы желаем, чтобы русским народом правил Царь на всей своей подной воле, — мы желаем того, что прежде». А сколько еще сословий некустарных, полудиках народностей входят в состав России, и как быть с ними? Многие пришли бы в учредительное собрание и заявили бы, что никаких свобод они не желают, потому что от этих свобод им не стало житья. Прежде без свобод можно было передвигаться и сообщаться со всем государством, а теперь при всех свободах нельзя из города выехать. Наиболее взыреть именно такой ответ большинства членов собрания, и очень правдоподобно предположение, что учредительное собрание, созванное на началах прямой, всеобщей, тайной и равной подачи голосов, привело бы именно к такому результату, т. е. к полному господству абсолютизма. Если сила истории, условия жизни, складывавшиеся многими веками, таковы, что даже передовой боец демократизма, потерпевший поражение в своей демократической борьбе — М. Ковалевский заявляет, что во Франции он республиканец, а во России — монархист, то неужели можно думать, что какой-нибудь голь, полтора изменить в самом корне сущности возрвний простого русского народа и заставить его смотреть на совершающиеся события глазами людей, руководящих движением? Не в личных своих интересах борется правительство против учредительного собрания, но в интересах тех темных масс, которые еще не совладали всей богатой культурных учреждений. В дельцах общественных нужно руководствоваться не только тем, что абсолютно лучше или хуже, но проводя новыми начинания, надо постоянно при-

собрание на началах всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосов? Получите его. А что бы сказали учредительное собрание, созванное на таком начале? Собрание в равной пропорции от всех сословий и во всем числе от десяти миллионов крестьянского населения, такое учредительное собрание не могло бы развить скажет: «Мы желаем, чтобы русским народом правил Царь на всей своей подной воле, — мы желаем того, что прежде». А сколько еще сословий некустарных, полудиках народностей входят в состав России, и как быть с ними? Многие пришли бы в учредительное собрание и заявили бы, что никаких свобод они не желают, потому что от этих свобод им не стало житья. Прежде без свобод можно было передвигаться и сообщаться со всем государством, а теперь при всех свободах нельзя из города выехать. Наиболее взыреть именно такой ответ большинства членов собрания, и очень правдоподобно предположение, что учредительное собрание, созванное на началах прямой, всеобщей, тайной и равной подачи голосов, привело бы именно к такому результату, т. е. к полному господству абсолютизма. Если сила истории, условия жизни, складывавшиеся многими веками, таковы, что даже передовой боец демократизма, потерпевший поражение в своей демократической борьбе — М. Ковалевский заявляет, что во Франции он республиканец, а во России — монархист, то неужели можно думать, что какой-нибудь голь, полтора изменить в самом корне сущности возрвний простого русского народа и заставить его смотреть на совершающиеся события глазами людей, руководящих движением? Не в личных своих интересах борется правительство против учредительного собрания, но в интересах тех темных масс, которые еще не совладали всей богатой культурных учреждений. В дельцах общественных нужно руководствоваться не только тем, что абсолютно лучше или хуже, но проводя новыми начинания, надо постоянно при-

собрание на началах всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосов? Получите его. А что бы сказали учредительное собрание, созванное на таком начале? Собрание в равной пропорции от всех сословий и во всем числе от десяти миллионов крестьянского населения, такое учредительное собрание не могло бы развить скажет: «Мы желаем, чтобы русским народом правил Царь на всей своей подной воле, — мы желаем того, что прежде». А сколько еще сословий некустарных, полудиках народностей входят в состав России, и как быть с ними? Многие пришли бы в учредительное собрание и заявили бы, что никаких свобод они не желают, потому что от этих свобод им не стало житья. Прежде без свобод можно было передвигаться и сообщаться со всем государством, а теперь при всех свободах нельзя из города выехать. Наиболее взыреть именно такой ответ большинства членов собрания, и очень правдоподобно предположение, что учредительное собрание, созванное на началах прямой, всеобщей, тайной и равной подачи голосов, привело бы именно к такому результату, т. е. к полному господству абсолютизма. Если сила истории, условия жизни, складывавшиеся многими веками, таковы, что даже передовой боец демократизма, потерпевший поражение в своей демократической борьбе — М. Ковалевский заявляет, что во Франции он республиканец, а во России — монархист, то неужели можно думать, что какой-нибудь голь, полтора изменить в самом корне сущности возрвний простого русского народа и заставить его смотреть на совершающиеся события глазами людей, руководящих движением? Не в личных своих интересах борется правительство против учредительного собрания, но в интересах тех темных масс, которые еще не совладали всей богатой культурных учреждений. В дельцах общественных нужно руководствоваться не только тем, что абсолютно лучше или хуже, но проводя новыми начинания, надо постоянно при-

ФЕДРАТОНЪ

Диктатура словъ *

Когда просвещенному и опычному в своему делу судья приходится принимать тот или другой закон, то он с точки зрения истории, и со стороны дѣла его, и в связи с духом всего законодательства, — и только тогда скажет, подходит ли этот закон по буквальному смыслу своему данному случаю или нѣтъ.

Когда умудренному жителю общества человеку нужно разрешить тот или другой жизненный случай и подвести его под известныя принципы, то он семь раз примытит, прежде чѣм рѣшится сказать, что в данном случаѣ оправдывается или осуждается принципом; онъ прекрасно понимает, что прямолинейность — своего рода ограниченность; поэтому къ готовымъ формуламъ онъ относится всегда съ большою осторожностью.

Когда ученый логикъ объясняетъ намъ происхождение ошибокъ мышления, то онъ предостерегаетъ насъ между прочимъ отъ привычекъ святой идеи, отъ привычекъ умственныхъ ассоциаций; онъ говоритъ, что умственные привычки оказываютъ громадное влияние на наше убеждение, и твердо и рѣшительно заявляетъ, что *важнейшее повтореніе есть одно изъ важнейшихъ основанийъ человеческого убежденія*. Онъ причисляетъ такое свойство человеческого души къ общечеловѣческимъ тенденціямъ нашего духа» (Бонъ — «Логика») и указываетъ, какъ трудно человеку сохранять собственное мнѣніе, когда все вокругъ повторяютъ одно и то же. Именно поэтому сила «модныхъ идей» для человека средней сопротивляемости непреодолима; она гип-

